

Популярный актер театра и кино Виктор Сухоруков, сыгравший недавно Павла I, утвержден на роль Никиты Хрущева в телевизионном фильме Юрия Кары «Любовь к тебе, как бедствие...» Виктор СУХОРУКОВ дал интервью обозревателю «Известий» Лидии ШАМИНОЙ.

Я верю во все: предсказания, сновидения, в гадания.

— Ваша невероятная популярность началась с фильма «Брат». Вы чувствовали, что это произойдет? И вообще — верите в свое предназначение?

— Однажды случайно, на каком-то дне рождения, одна женщина нарисовала мне мое гексаграмму, мое будущее. И пиком, можно сказать, Эверестом там был 2000 год. Я еще тогда подумал: «Ну вот, еще два года мне ждать этого пика». А потом линия шла резко вниз — и я, конечно, над этим падением задумался. Я так этого не хотел! Но эта низкая точка меня просто заинтриговала. Я тогда, в 1998 году, подумал: «Да ладно, не буду я задумываться об этой линии, которая идет вниз, я буду думать об этом пике». И когда прошло время, я вдруг подумал: «А где же он, этот пик?» И понял: это «Брат-2». Потому что до этого у меня были уникальные фильмы, которые были или не замечены, или не отмечены, обойдены вниманием специалистов, критиков и даже зрителей. А между тем это были роли, которыми я с гордостью горжусь, это были мои канканы, мои этапы, мои вершины. Может, потому, что мы с вами попали в переплет эпох. Вот Древний Рим, Пушкин, война — это были эпохи. А мы все — дети перепуты, перевалов, каких-то бродов.

— Ваши герои для многих потерявшихся в этой неразберихе эпохи стали ориентиром, даже когда вы играли отрицательных героев.

— Моя скромность имеет имя и отчество. Ну ничего, может быть, когда-нибудь я сам осознаю, что принес пользу или оставил след, это будет замечательно. Однажды меня спросили, как я отношусь к популярности, и я ответил, что понятие славы — это из области вечного, гения и чести, очень темно-гедоносимого порока. А популярность — это как газетка: она может быть и для всех, и по чуть-чуть, и всегда. Как прилив и отлив, она может прийти и уйти, это нечто более доступное. Но я к своей популярности хорошо отношусь. Потому что это предмет моей профессии, часть пространства, в котором я погружался с детства. И один народный артист даже удивился такому моему публичному высказыванию, сказав: «Надо же, я никогда об этом не думал!» Так я вдруг неожиданно, приступородно даже, не желая того, обидел народного артиста. Я ему тут же сказал, что я не про него, про себя говорю. Потому что я хочу попасть в историю — не в уголовно-кriminalное дело, но в историю своей страны.

— Линия по нисходящей в твой гексаграмме вас уже не беспокоит?

— Я понял, что я сейчас не по нисходящей живу. Я на том пике задержался. У меня пик не острый оказался, как плюто — прямой и долгий. И на нем я существую и сегодня. И абсолютно бесстыдно, бесцеремонно об этом заявляю.

— Но вообще я верю во все: в предсказания, сновидения, в гадания. Объясняю гороскопы. Но к нам отношуся по принципу «предупрежден — сицичен». Я как бы себе постоянно напоминаю, что я живу в тревожном, сложном мире, опасном, честном, стихийном, неорганизованном и — самое удивительное — разрушающим разум.

— Можно ли, по-вашему, как-то внутренне противостоять этой стихии?

— А зачем? Надо пытаться нечестно — и обязательно себя беречь. Это сила человека.

Я родился при Сталине, учился при Хрущеве — Брежневе, в институте — при Андропове и сегодня живу совсем в другой стране

— Если случается с вами форс-мажорная ситуация, вы как действуете — идете напролом или выжидаете?

— Начну от конца — надо уметь жертвовать. Надо быть готовым к потерям и утратам. Выход есть из любого положения, кроме смерти. Есть выходы, которые требуют огромных затрат, но не проходят бесследно. Есть выходы пустые, может, неприятные, но все равно бесполезные. Но обязательно будет выход, который принесет тебе радость, и пользу. Потому что надо уметь отдавать — вот в чем дело. И если в этом направлении напролом, вслепую. Вроде глупо расшибать лицо, не зная, чем это кончится, что это за путь, что за препятствие, — это на конец концов оказывается не глупость. Иногда думаешь: «Ну падно, все равно попробую!» — и вот это «пробую» надо всегда иметь в виду.

— А если потери неизбежны — все равно пойдете вперед?

— Нет. В каждом конкретном случае свой ответ и свое решение. В момент выбора над человеком довлеют любовь, корысть, доброта людя и дорогие тебе вещи. То есть за что бьемся? И, конечно, есть меркантильный вопрос — давай себе меркантильное задание: «Потеря — что ты будешь иметь?» И третий, самый серьезный момент, уже перед выбором, когда ты уже знаешь, что потеряешь и что приобретешь, — тут включается понятие совести, любви к себе и инстинкт самосохранения. И, допустим, я понимаю, что потеряю десять тысяч каких-то денег, но я сохрани дружбу, а дружба порой дороже этих денег, потому что есть понятие взаимности. И у меня были случаи, когда я терял в материальном плане намного больше, чем десять тысяч, но обличавался мне человек и говорил: «Ничего, Витюха, тебе воздастся!» И мне воздастся.

Вот наглядный пример: отказалась от роли Джеймса Бонда, от встречи с Западом, Голливудом, от двухмесячной жизни в Лондоне, зная, что Лито Махория, новозеландский режиссер, очень высоко меня ценит — я все это оставил в стороне ради человеческих отношений. Я в то время выпускал спектакль, заканчивал съемки — на своем, извините, бедном российском кинематографе. И на уровне интуиции поставил себе вопрос: «Да, вот у тебя там перспективы, деньги, будущее. Но — все в тумане, все в неизвестности. А тут — все намного меньше, беднее, скромнее, но понятнее и проще, тут конкретная роль, конкретные люди и обязательства, которые я не имею права нарушить, потому что я тогда подмою свою репутацию. Как это обо мне пойдет мнение, что я ненадежный, что я предатель, что я продажный? Ведь тогда я могу потерять намного больше». И, решив не в пользу Голливуда, я не програл.

— В чем вы видите для себя победу?

— Отказалась от Джеймса Бонда, я сегодня — лучший Павел I в кинематографе. Я сыграл себя. Мало того — в шедшем году Козы был Шутом в Академическом театре им. Вахтангова и в этот же год продемонстрировал миру Его императорское величество. Царь и цари в одном фланке. В одной сухоруковской душе. И там, и там — неплохо. Конечно, тех денег я не заработал, но репутация моя, ставшая мной получили высокую оценку. Я в этом убежден. И не далее чем месяц назад критики и киноведы всей Руси после тайного голосования вручили мне «Золотого Овна» за Павла I. Я, когда над ним работал, почти все вокруг его времени прочитал, все про него знаю. И те прзы, которые я получил после за роль, — это, Павла Петровича, благодарность ко мне. Вот так — умеите жертвовать.

— У вас такая четкая нравственная модель — это что, с детства?

— Никогда. Все это приобретено. По-литературному говоря, все это через мухи и скорпи приходит. Не через сладкие приключения и витамины приходит осознание и мудрость, а только через испытания и трудности, через ямы и колдобинки. А с детства я готовил себя к красивой жизни, к прекрасному пути, к великолепному походу в искусство. И у меня даже свои лозунги уже рождались: «Учителя, ошибайтесь, но благословляйте!» Потому что все оказалось намного страшнее, когда я, наивный мальчишка, пришел за мечтой к педагогу, взрослому дядечке, а он мне говорит: «Вы никогда не будете актером!» Я говорю: «Да как же так, мне нужен театр!» — Да вы же театр не нужны! Вот так — ба-бах! Вместо того чтобы человеку оставить надежду, сохранить в нем свет, желание, движение, веру, ему — бух-бух по мордам. Нечестно и неправильно.

— Как вы пережили эту ситуацию?

— Мы были молодыми и упрямими. Потом был второй момент, когда у меня новая поговорка появилась: «Из борта живут люди». Сейчас, когда мне начинают угрожать или меня шантажировать словами вроде «коты, Сухоруков, вот ты так, Сухоруков», я говорю: «А вы меня не пугайте! Я там был и знаю, какое счастье может быть в глазах людей, когда они, бездомные, беспорядочные, безработные, безденежные, могут идти в обнимку, как гусь с гагаркой, и еще с чем-то размножаться. И в их походке столько чувства собственного достоинства. И всего-то их маршрут — от помойки к помойке. А сколько в них любви, которые требуют огромных затрат, но не проходят бесследно. Есть выходы пустые, может, неприятные, но все равно бесполезные. Но обязательно будет выход, который принесет тебе радость, и пользу. Потому что надо уметь отдавать — вот в чем дело. И если в этом направлении напролом, вслепую. Вроде глупо расшибать лицо, не зная, чем это кончится, что это за путь, что за препятствие, — это на конце концов оказывается не глупость. Иногда думаешь: «Ну падно, все равно попробую!» — и вот это «пробую» надо всегда иметь в виду.

— Как вы оказались в такой ситуации, «на дне»?

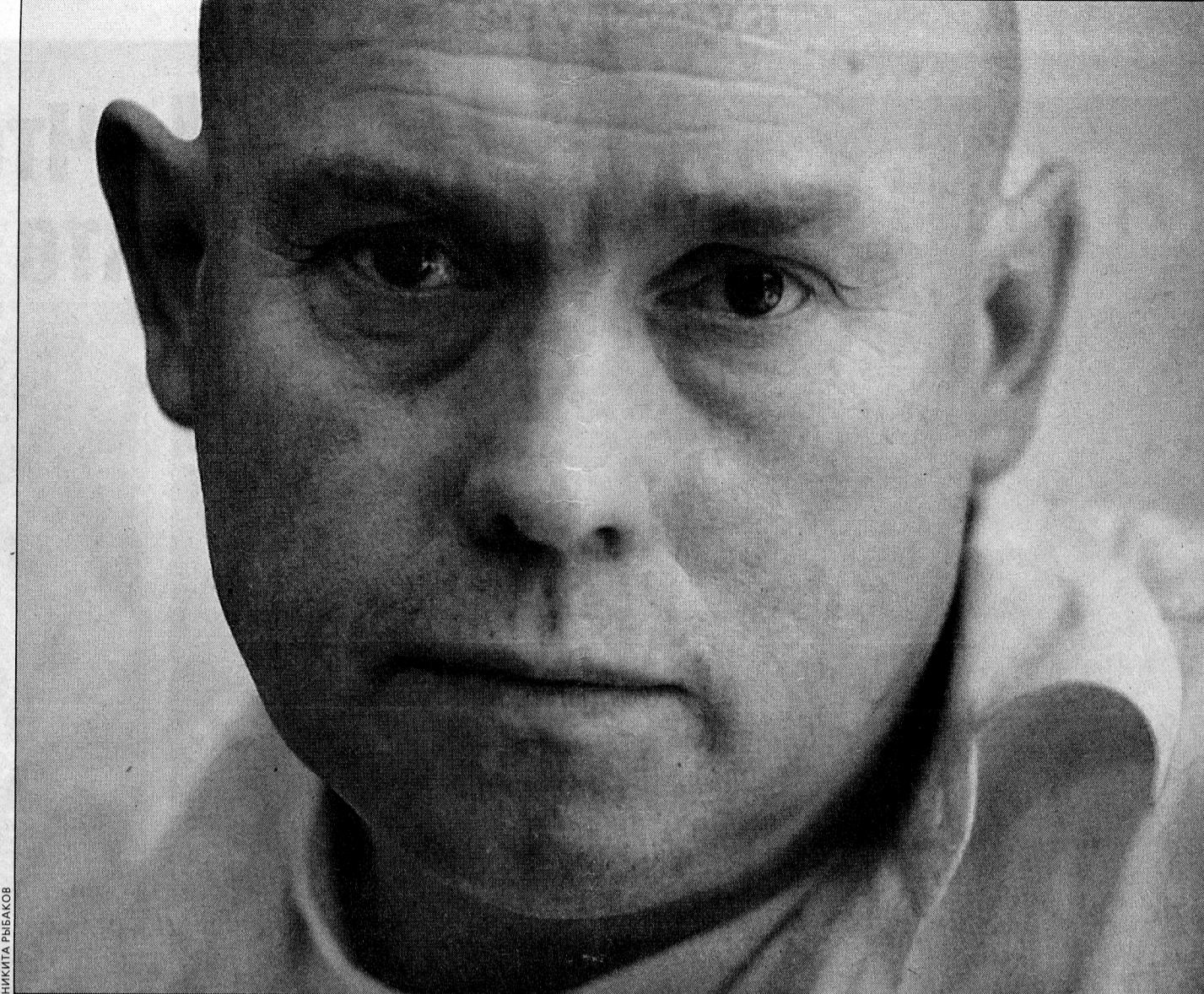
— Да просто я прохил жизнь в двух странах одновременно. Я родился при Сталине, учился при Хрущеве — Брежневе, в институте — при Андропове и сегодня живу совсем в другой стране

— Если случается с вами форс-мажорная ситуация, вы как действуете — идете напролом или выжидаете?

— Начну от конца — надо уметь жертвовать. Надо быть готовым к потерям и утратам. Выход есть из любого положения, кроме смерти. Есть выходы, которые требуют огромных затрат, но не проходят бесследно. Есть выходы пустые, может, неприятные, но все равно бесполезные. Но обязательно будет выход, который принесет тебе радость, и пользу. Потому что надо уметь отдавать — вот в чем дело. И если в этом направлении напролом, вслепую. Вроде глупо расшибать лицо, не зная, чем это кончится, что это за путь, что за препятствие, — это на конце концов оказывается не глупость. Иногда думаешь: «Ну падно, все равно попробую!» — и вот это «пробую» надо всегда иметь в виду.

— А если потери неизбежны — все равно пойдете вперед?

— Нет. В каждом конкретном случае свой ответ и свое решение. В момент выбора над человеком довлеют любовь, корысть, доброта людя и дорогие тебе вещи. То есть за что бьемся? И, конечно, есть меркантильный вопрос — давай себе меркантильное задание: «Потеря — что ты будешь иметь?» И третий, самый серьезный момент, уже перед выбором, когда ты уже знаешь, что потеряешь и что приобретешь, — тут включается понятие совести, любви к себе и инстинкт самосохранения. И, допустим, я понимаю, что потеряю десять тысяч каких-то денег, но я сохрани дружбу, а дружба порой дороже этих денег, потому что есть понятие взаимности. И у меня были случаи, когда я терял в материальном плане намного больше, чем десять тысяч, но обличавался мне человек и говорил: «Ничего, Витюха, тебе воздастся!» И мне воздастся.

Виктор СУХОРУКОВ, актер:

Отказавшись от Джеймса Бонда, я стал лучшим Павлом I кинематографа

я совершенно четко заявляю: «Нет, это было великолепное за- блюдение».

Это была вкусная болезнь, она раздвигала мои ребра, мое это вырывалось наружу, безобразничало, курополосо, удивляло и настораживало людей. Становясь трезвым, я устался этого, мне казалось, что я веду себя неправильно, живу неверно. Но самое главное, я никогда не допускал мысли, что я разрушитель. Нет, я не был разрушителем — ни себя, ни общество. А людей раздражало — как это так, вот он весь такой скажется?

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фантазии.

— Я отказался только от следства, от допинга. У меня настолько в душе этого выработалось... Хотите, я вам сейчас на столе сплющу? Я могу встать посреди этого заведения и сплыть в песчинку. Только вчера могли вызвать милицию и сказать: «Уберите этого пынгого дурака», а сегодня скажут: «Да это просто ненормальный какой-то, городской сумасшедший».

— Вам сейчас не скучно жить без этой вкусной болезни?

— Ведя она рождала такие прекрасные фант